

МІХЕ-СÓКЕ ЯЗЫКІ

Авторы: А. И. Давлетшин

МІХЕ-СÓКЕ ЯЗЫКІ, семья [индейских языков](#) Мезоамерики. Распространены на юге Мексики, в штатах Веракрус, Оахака, Чьяпас и Табаско; см. также [Михе](#), [Соке](#). Общее число говорящих в возрасте старше 5 лет ок. 206 тыс. чел. (2005, оценка).

Семья распадается на 2 осн. ветви (дата распада, по данным [глоттохронологии](#), ок. 37 веков назад): михе и соке (обе распались ок. 23 веков назад). К ветви михе относятся оахакские михе (языки низинный михе, предгорный михе, юж. горный михе и сев. горный михе, представляющие собой диалектные общности; общая дата распада группы – ок. 19 веков назад), олюта (63 говорящих), саюла и вымерший тапачультекский, известный по спискам 19 в. В ветвь соке входят чьяпасский соке (группа близких диалектов), оахакский (чималапский) соке (с двумя сильно различающимися диалектами санта-мария-чималапа и сан-мигель-чималапа) и соке залива (распались 16 веков назад), к которым относятся 3 языка – аяпа (2 говорящих), сотеапанский и техистепекский (238 говорящих). При этом статус нац. языков присвоен аяпа, михе, олюта, саюла, соке и техистепекскому.

Гипотеза Э. [Сепира](#) (кон. 1920-х гг.) о вхождении М.-с. я. в макросемью [пенутийских языков](#) не получила поддержки. Новые работы показывают их отдалённое родство с [тотонакскими языками](#).

Судя по реконструированному словарю, протомихе-соке жили во влажном тропич. лесу на берегу моря, занимались морским собирательством и рыболовством, не знали керамики, практиковали подсечно-огневое земледелие, основанное на выращивании кукурузы, фасоли, перца чили, а также корнеплодов и фруктовых деревьев. Географич. распределение языков и наличие многочисл. заимствований из михе-соке в мезоамериканских языках [таких как «копал (ладан)», «считать», «тыква», «сосуд из тыквы-горлянки», «циновка» и др.] позволяют предположить, что носители археологич. культуры [ольмек](#) говорили на протомихе и протосоке. Несмотря на то, что количество известных памятников [эпиольмекского письма](#) крайне невелико и оно остаётся недешифрованным, статистически-позиционный анализ текстов (учитывающий частоту появления определённых знаков в определённых контекстах) и некоторые фонетич. написания указывают на то, что эпиольмекский яз. является языком михе-соке, вероятно, протосоке.

Для [праязыка](#) михе-соке реконструируется 6-членный [вокализм](#) (*i, *ĩ, *u, *e, *a, *o) и 6 просодич. вариантов гласных фонем, представляющих собой комбинации следующих признаков: 2 степеней долготы, гортанной смычки и ларингальной фрикативной (*V, *Vh, *Vʔ, *V:, *V:h, *V:ʔ). В оахакских михе развились разл. системы количественного и качественного [аблаута](#): в тотонтепекском михе, напр., 8 гласных с 8 их просодич. вариантами (с добавлением VʔV и VʔVh). В некоторых оахакских михе есть 3 степени долготы гласной, однако долгие и сверхдолгие гласные коррелируют с характеристикой следующего за ними согласного (сильный или слабый). Ударение фиксированное. Представлен [сингармонизм](#). В [консонантизме](#) реконструируются 11 согласных (*p, *t, *k, *s, *ts, *m, *n, *w, *j, *ʔ, *h), 11 консонантных групп в конце морфемы (в позиции между 2 гласными) – *ps, *ks, a

также сочетания согласного с последующей гортанной смычкой. В живых языках насчитывается от 15 до 24 согласных фонем, во многих развились противопоставления согласных по силе-слабости, твёрдости-мягкости. Сонанты *l* и *g* встречаются только в заимствованиях и звукоподражаниях. Некоторые языки исключительно консервативны: от протомихе-соке диалект санта-мария-чималапа отделяют всего 2 фонетич. перехода, не связанных с просодией гласных, один из которых – общий для этого диалекта и др. языков ветви соке.

Михе-соке – агглютинативные языки, с некоторым преобладанием суффиксов над префиксами, с высокой степенью полисинтетизма и в т. ч. развитой инкорпорацией (прилагательных, наречий, существительных места, инструмента, объекта и даже агенса).

Глагол обладает развитой полисинтетич. морфологией; в одной словоформе может присутствовать до 4 префиксов и более 10 суффиксов. Базовые противопоставления глагольной грамматики – независимая и зависимая формы (последняя соответствует глаголу придаточного предложения в европ. языках), вид (совершенный/несовершенный) и переходность. Ряд видо-временных значений выражается предглагольными частицами и вспомогат. глаголами. Михе-соке – эргативные языки (см. Эргативный строй), причём эргативность – расщеплённая: один набор показателей используется для маркировки субъекта перех. независимого и зависимого глагола, субъекта неперех. зависимого глагола и обладателя в поссессивной конструкции, другой – для субъекта неперех. независимого глагола и объекта при перех. глаголе (как зависимого, так и независимого). В языке олюта для субъекта перех. зависимого глагола используется третий набор (т. е. в олюта эргативность нерасщеплённая). В языках ветви михе субъекты разделяются на 3 (в олюта – на 4) группы по степени агентивности (в порядке убывания): 1-е/2-е лицо, 3-е лицо одушевлённое/активное и 3-е лицо неодушевлённое/неактивное, причём в случаях, когда действие направлено от субъекта низшей агентивности на объект высшей агентивности ('он меня', 'мышка кошку' и т. д.), используется спец. показатель инверсии (он встречается даже в некоторых неперех. конструкциях). Продуктивны пассивная и антипассивная (в языках ветви соке также безличная) формы глагола. Исключительно сложна система аппликативов с разными значениями (инструмента, цели, места, совместного действия и т. д.), которые используются для повышения валентности глагольной группы и реорганизации структуры аргументов: с типологич. точки зрения примечательно, что в глаголе может быть неск. аппликативов, причём валентность глагола может и не повышаться, вводимое дополнение может указывать как на ближний, так и на дальний объект и в т. ч. может продолжать маркироваться как косвенное.

Развита система реляционных существительных и последелогов, которые используются для передачи падежных отношений; напр., в олюта *ʔ i-na:ʃ-kɨʃ-mɨ* 'упал' на землю' (букв. – её-земля-спина-там), *ʔi-kuʃtat-hot-pi* '(положил в мешок' (букв. – его-мешок-живот-в). Михе-соке – неконфигурационные языки: определение и определяемое могут быть разделены глагольной группой; напр., в олюта *ʔi:ts-ak* (1) *jaʔah* (2) *tan-jak-ʔo:k-u* (3) *tsanaj* (4) 'я (1) убил (3) эту (2) змею (4)'. Термины родства могут использоваться в глагольных перех. конструкциях, причём в таких случаях говорят о деноминализации существительного, а выбор конструкции зависит от агентивности участников; напр., в олюта *heʔ-k-eʔ ʔi-tsiʔ tʃe:pa* 'она же мать Чепы', *seweri:no tan-ʃkaw-ʔat-u* 'я заотцевал Северино' (т. е. 'Северино мне отец'). Некоторые существительные содержат классификационные префиксы, указывающие на части тела; напр., в чьяпаском соке *ʔaŋ-sihs* 'губы' (букв. – рот + плоть), *peʔŋ-une* 'пальцы ног' (букв. – нога + ребёнок).

М.-с. я. испытывают влияние со стороны исп. яз. Некоторые находятся под угрозой вымирания. На ряде М.-с. я.

ограниченно ведётся радиовещание. Для всех живых М.-с. я. разработаны письменности на лат. графич. основе, не получившие, однако, практич. распространения.

Первые дошедшие до нас грамматика и словарь соке составлены Л. Гонсалесом в 17 в. М.-с. я. вызывают большой интерес совр. типологов, однако многие из них остаются плохо описанными. Им посвящены труды С. Вихманна (Дания), Т. Кауфмана (США), Р. Савалы (Мексика) и др.

Литература

Лит.: Campbell L., Kaufman T. A linguistic look at the Olmecs // *American Antiquity*. 1976. Vol. 41. № 1; Wichmann S. *The relationship among the Mixe-Zoquean languages of Mexico*. Salt Lake City, 1995; Johnson H. A. *A grammar of San Miguel Chimalapa Zoque*. Austin, 2000; Zavala Maldonado R. *Topics in the syntax of Olutec Mixe*. Oregon, 2000; Давлетшин А. И. Прародина и протокультура михе-соке по языковым данным // *Аспекты компаративистики*. М., 2007. Вып. 2; Brown C. H. a. o. Totozoquean // *International Journal of American Linguistics*. 2011. Vol. 77. № 3.